

www.cirkolimp-tv.ru

п о э т и ч е с к а я
с е р и я

Алексей Колчев

Лубок к родине

Самара 2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К 49

К 49 КОЛЧЕВ Алексей

Лубок к родине : стихи. –
Самара: «Цирк Олимп+TV», 2013 – 90 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Редакционный совет серии:

Лев Рубинштейн (Москва)
Владимир Друк (Нью-Йорк)
Ежи Чех (Познань)
Владимир Тучков (Москва)
Николай Байтов (Москва)
Дмитрий Веденяпин (Москва)
Света Литвак (Москва)
Александр Макаров-Кротков (Москва)
Илья Кукулин (Москва)
Татьяна Риздвенко (Москва)

Редакция серии:

Сергей Лейбград
Виталий Лехциер
Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская

Куратор выпуска:

Виталий Лехциер

Издано при поддержке

Администрации городского округа Самара

ISBN 978-5-906607-09-6

© Колчев А., 2013
© Самохвалова О., фотографии, 2013
© Цирк Олимп+TV, 2013

«Только то что нельзя рассказать...»

Посмотрите на изнанку вышивки: лохматые узлы, длинные, через весь рисунок, броски-штрихи ниток и цвета этих ниток, кажущиеся более чистыми, чем на лицевой стороне: явно неглавная и при этом «опорная» сторона красоты, выглядящая как встреча с правдой. Современная поэзия очень свободна и разнообразна, но в последние годы в ней больше и больше аккуратной, ухоженной недосказанности, предзаданной лёгкости: поэты от каких-то вещей (в самих себе, прежде всего) заранее отворачиваются: читаешь, благодарен за попытки надежды – и всё-таки не знаешь, что делать с осадком чего-то обидного, близкого к лжи. Алексей Колчев, вряд ли ставя такую цель, достраивает поэзию до правды. Голос современных стихов – женский, юношеский или вечно молодой: «раненый», или беспричинно вздрюченный, или праведно-гневный, или всезнайкин. Голос стихов Колчева – мужской, взрослый уже навстречу старости, не очень динамичный и мало модулирующий.

*проходя мимо
пылающих церквей
крошащихся памятников
саморазрушающихся новостроек
ржавых заборов
сухих деревьев
дохлых кошек
раздавленных муравьёв*

*думаешь
куда ты попал
думаешь
что за дурной сон
думаешь
война
думаешь
если можешь думать*

Очень точный и ненасильственно обобщённый образ нынешней всякой стагнации даёт (опять же, не только к этому, не совсем к этому стремясь) сама интонация, связанная с внутренней стагнацией человека 30-40 лет: вопросы – что проклятые, что многие простейшие, – не решены никак; на месте полётов и порывов ума и сердца – больше и больше бесчувствия: неискажённого, но и какого-то

беспольного видения, остаточного-сострадательного бездействия, и одно из сильнейших вдруг-чувств здесь – стыд за это бесчувствие, отторжение охладившего то ли себя, то ли мира: не понятно, где граница.

*ничего уже не ново
и приемы сочтены
неба синяя понёва
дыма чёрные штаны*

*важно выступает галка
свалка старая горит
«никого уже не жалко!» –
чорт иваныч говорит*

И вдруг из-за нахмурившейся, как туча, серой картины мира – покой, ничья-ниоткуда-любовь: после не «художественно», а жизненно оправданного большого числа одинаковых никуда не ведущих шагов – глубокий вдох, похожий на полёт в во все стороны оживающем мире.

*местность оприродена
на горбу синица
тяжело же родина
по тебе катиться*

*рощенной горошиной
тощенькой субботой*

*что зовём мы родиной
что кричим мы родиной
что молчим мы родиной
надо бы – работой*

Долгое «собрание тоски» оказывается собиранием любви: ни у кого из современных поэтов нет такого игнорирования информационного фона, сопровождающего обычно людей, которые не очень верят в себя как в интеллектуалов: многие стихотворения в книге никак не преображают, дают, как ready-made, логику и эстетику жёлтой прессы, конспирологических передач, демотиваторов.

*так пишет из книги в книгу
эдуард леонидович мушке
русский православный писатель
антисемит юдофил*

Но как-то понятно и неоспоримо, что на этих смысловых руинах живут, трудно и не артистично шагая сквозь не о них думающее-поющее время, непридуманные люди, и трудно с чем-то сравнить их внутреннюю чистоту.

*старый «урал» с коляской
в дальнем гниёт гараже
он для езды нетряской
не пригодится уже*

*вчуже обойденный лаской
бойным железом не ляскай
виждь сквозь прорешку в душе*

*столбик покрашенный краской
прудик подёрнутый ряской
женщину с детской коляской
ласточку на вираже*

Стихи Алексея Колчева – до угрюмости, то есть подлинно, деликатны и человечны, ни к чему не слепы; читайте книжку.

Василий Бородин

каждый вечер
за стенкой малосемейки
пьяный сосед
надрывается в караоке

громко сначала
всё монотонней и глуше потом
всегда
мимо нот
он поёт об одном:
«зла немерено»
пока не уснёт

«владимирский централ»
гимн русского гнозиса
повторяемый
как молитва
бывшим слесарем
шестого разряда
ныне свободным пьяницей
вне разрядов и иерархий

мир – тюрьма
как нужна мне
твоя любовь
софия

пока не явятся
мусора
прислужники демиурга
душу живую
забрать
за нарушение общественного
порядка

зла немерено
зла

факты

1
бывшая порнозвезда
теперь веган
борец за права животных
собирается с лекциями в россию
хочет остаться здесь навсегда

2
ураган
выносит на побережье
среди множества див подводных
труп русалки
весло норвежье

3
дети бегают
играют в салки

4
браконьер смотрит рот разинув
как шипит и бурлит вода

5
сломанную грушу обсели галки

6
самоубийца говорит
поднимая наган:
я не трушу

7
смерть не смерть
беда не беда

злые бабы какие-то
переговариваются в маршрутке
перемывают косточки
зое петровне

за две минуты
до столкновения
с грузовичком

с надписью «хлеб»
на борту

вот гамлет философ базарный
из гама лужги толчеи
выходит на воздух подзорный
рыдает среди мелюзги

выходит как сокол позорный
и чёрная кровь из него
выходит на воздух узорный
немая россия рыдай

о дай мне свой факел дозорный
и маму крикливую дай
ты будешь великий пожарный
не будет уже ничего

лучше всех, – говорю
лучше всех

прожил

как иона
во чреве

чревовещателем

третий рим –
 как четвёртый рейх
понемногу горим

а из ваших дверей
то жид то еврей

сами-то мы верующие

проходя мимо
пылающих церквей
крошащихся памятников
саморазрушающихся новостроек
ржавых заборов
сухих деревьев
дохлых кошек
раздавленных муравьёв

думаешь
куда ты попал
думаешь
что за дурной сон
думаешь
война
думаешь
если можешь думать

когда на западе неба
расходятся
изжелта-синие облака
и неведомая десница
разворачивает меж них
огромный свиток
с багровым посланием

GAME OVER!

*угловатый как шагал
я по небу пошагал*

открывается картина
называется пейзаж
галка шествует картинно
тащит в клюве карандаш

ничего уже не ново
и приемы сочтены
неба синяя понёва
дыма чёрные штаны

важно выступает галка
свалка старая горит
«никого уже не жалко!» –
чорт иваныч говорит

настоящая фамилия маяковского – гиришман
а жил он в той самой одессе
неоднократно изображённой воспетой
бабелем багрицким олесей
был он городской сумасшедший
в рваном пиджаке ходил по базару
когда в город вошли румыны
прятался в катакомбах
нашли расстреляли

после него остались
две наволочки со стихами
опубликованными позже
в центральной печати
супругами брик катаняном
ставшими советской классикой
по личному указанию
сталина и.в. генералиссимуса
благочестивого победителя над фашизмом

так пишет из книги в книгу
эдуард леонидович мушке
русский православный писатель
антисемит юдофил

Не победит её рассудок мой
Лермонтов

мне некуда деть усталость
как некуда деть глаза
а из темноты уставясь
глядят чужие глаза

вот родина вот берёзки
вот домик с кирпичной трубой
бредёт мужичок нерезкий
спортивный костюм голубой

он русский? конечно русский
сражённый своей судьбой

а над равниной плоской
горнист играет отбой

МАТЬ

рос хилым ребёнком по кличке «цыпик»
после школы призвали в армию попал на войну
так и держал автомат не избавясь от цыпок
крохотный крестик нательный пропал в плену

мать собрала выкуп продала квартиру
чужие горы чужие люди враждебные голоса
живым не нашла тела не выдали прогнали дуру
полковник в военкомате сказал: числится как
дезертир

а она всё надеется ждёт выглядывает на вокзалах
калек в камуфляже думает: может - он
подойдёт сейчас скажет мама это я живой только
раненый сильно
и как в детстве заплачет
заплачут оба

виноград вертоград вертолёт
тварь дрожащая: верит – не верит
верно нервы на ветер мы – лёд
под ногами за мгами мы – меря

рыбья чудь зыбья чуть рабья вонь
бабья грудь пей впрыскаю иконя
дальний путь золотая гармонь
что ж ты шею повесил серёня?

в чёрном воздухе цейлона
в жирном мареве целана
птицы плачут возмущённо
словно дольщики обмана

золотые попугаи
цыбик чая
тюбик мая

ночь такая
вот какая:

вышел месяц из тумана
алая открылась рана
словно маленькое лоно
земляничная поляна

шри
ланка
жри
лакай

д. давидову

разве он будет помнить
разве он когда-нибудь вспомнит
летний вечер в русской провинции
землю усеянную тополиным пухом
шелудивых кошек ржавые баки
заполошные слезы упавший велосипед

странная конструкция из плоти
биопластика и металла
попискивающая датчиками вибрирующими
в случае угрозы
стабильному состоянию
всё-таки дряхлеющего организма
на ночь присоединяемого к проводам
в стерильном отсеке
старческого пансионата

говорит разумная слизь:

я вчера в этот мир пришла
се частицы мои неслись
раскалённые добела

отделяющий свет от тьмы
разрешающий сон и смерть
я явилась твои умы
уничтожить пожрать стереть

в чреве черепа поселясь
буду я госпожа и князь
над рачительной и простой
бесконечную пустотой

говорит парламент вещей:

непонятен нам твой язык
как кощун или как кощей
ты бормочешь свои азы

распадаясь на куполки
на блестящие как в раю
составные частей полки
мы о том навсегда пою

что иному потребен глаз
чтоб увидеть восстанье нас
что ни времени ни пространства
нету без нас сестра

отвечает им всем душа:

я бессмертный я смертный пар
перегар от уст алкаша
залежалый с гнильцой товар

нисходя в ваш круговорот
поднимаясь в свой свистопляс
одинокая как народ
металлический слышу лязг

исторгаясь из мёртвых уст
человеческий слышу хруст
прорастают из-под земли
тел железные корабли

русь стоит на семи холмах
трёх китах девяти царях
хоровод расписных рубах
перекошенных брюх и рях

затянись папироской вослед петру
поскреби подбородка плешь
вон пошёл сиволапый гундеть муру
трёх сосёнок плутать промеж

я-де мы-де весь не умру
хочешь режь меня хочешь – ешь

пой еврей соловей большеротый
пей казак за незримую русь
мы пройдем марширующей ротой
утомленные мелкой работой
ты пиши вдохновенно болботай
я бумажкой твоей подотрусь

напиши мне такое письмо
чтоб над вымыслом я обрыдался
чтоб оно долетело само
как подарок в пятьсот эскимо
чтобы я без ума без умо-
лку в плаче над ним сотрясался

я накину на плечи шинель
в тундру выйду забуду обиду
где ты черное платье шанель?
мелкий снег как густая шрапнель
накрывает бараки но мне ль
уничтожить тебя нереиду?

пой же пой свой последний псалом
в черном небе звезда золотая
государственным блещет орлом
инвалид за сосновым столом
смерть прекрасна как дева с веслом
сыплет снег всё кругом заметая

и щелястый сортир за углом

игра

1
что у вас за хохлома
красоты неизреченной
так и сводят всех с ума
кот печеный торт перченый

сторож чем-то облученный
берег черной ночь зима

2
сторож светом облеченный
око полыни во льду
как крученых заключенный
в воду черную войду

вот он вот большой ученый
золоченый зуб во рту

ветер мрак игра в аду

ПОТЕШКИ

1

спой мне
колыбельную
pussy riot

расскажи
как они
играют

в прохладной
песочнице

на цветных
лопатках

приговорённые

к милости
жалости
окаменелости

судом
наставническим

трудом
подвижническим

как ласково умиляются
прохожие
палачи

грызя
железные сушки
чугунные калачи

вместе
возрадуемся

2

спляши сестра
на костре у костра

в мечети в синагоге
на райском пороге

на святой земле
в железном котле

в кровавой ванне
дам тебе целование

братское блядское
слепое дурацкое

в могильной яме
потрещу костями

у могильной оградки
поцелуй сладки

за пыльной рогожей
я твой прохожий

ласковый женишок
без кишок
без кожи

родина – смерть

что мы могу о родине сказать
что дорога хотя слегка помята
внутри неё чабрец полынь и мята
их надо непременно лобызать
что мы могу о родине сказать

что я хочу о ней произнесу
что широка страна моя зелёный
что славится своима обороной
то в чистым поле то в пустой лесу
броня крепка и танки на весу

что говорить он обо все кругом
чтоб стала вы заметно и понятно
как нам совсем любить его приятно
окинуть оком обойти ногом
и насладийся смерти пирогом

так прокричал погибший на войне
что могу сказать я о родине

как будто буратино с букварём
прохожий сквозь лирическую выюгу
бредёт наушник прижимая к уху
в четверг часам примерно к трём
нам говорят мы все умрём

прохожему идти недалеко
он купит в магазине
халву и яйца лук и молоко
и понесёт в пакете – не в корзине
с рекламой на боку «мадам кличко»

минуты через три он будет бит
шпаной похмельной во дворе у лавок
потом поднимется неловок
скула разбита и всего знобит
как от укулов крохотных булавок

а смерть что смерть? кружится голова
пружинит под ногами воздух шаткий
вьюга ревет как татарва
идут намётом белогривые лошадки
внизу пылает красная москва

мир

мир
в котором
мы живём
нельзя описать
четырёхстопным ямбом
пятистопным ямбом
шестистопным ямбом
с цезурой
после третьей стопы
семистопным хореем
с гипердактилической клаузулой
дактилем амфибрахием анапестом
взятыми по отдельности и вместе
пятидесятишестистопным ямбом
стапятидесятишестистопным ямбом
поэмой в гекзаметрах
элегическим дистихом
сапфическим стихом
алкеевым стихом
алкмановым стихом
акцентным стихом
свободным стихом
раёшным стихом
силлабическим стихом

кто едет верхом
кто идёт пешком
кто растёт корешком
кто сидит горшком
кто помахивает посошком
кто потряхивает мешком
кто похрустывает снежком
кто покряхтывает порошком

ничего ни о ком

мир
неописуем

ни одним рукосуем

круг чтения

и фрейд и фромм и прочие врачи
чего-то там туманно обещали
юнг намекал на некие ключи
пред вами суд и правда но вначале
извольте на анализ сдать мочи

за ними приходил в ночи толстой
как призрак выплывая из тумана
пугая тряс огромной бородой
грозил навек упрятать в даль романа
с дорогой дальней долей непростой

ах доля доля дроля не дрочи
свой ум незрелый помни мир как воля
насквозь пропитан древней силой чи
как торт пропитан дозой алкоголя
так запиши: засмейтесь смехачи

рассмеявшись усмеяльно!

случай

ко мне подходят
карлики-культуристы
говорят:
– слышь дылда
дай закурить
– не курю –
бормочу я и получаю
головой под дых
согнувшись глотаю ртом
тяжёлый воздух
как рыба
поднятая из воды
пока карлики удаляются

вечером
описав случившееся
в социальных сетях
получаю единственный
комментарий:
«хорошо что не
сатанисты
те бы вообще убили»

шансонетка

словно чехов стонет чайка
сердце гнётся и скрипит
приходила чрезвычайка
реквизировала спирт

всюду бабы бабы бабы
та с бельём а та с ружьём
убежать от них куда бы
саквояж набив рыжьём

кавалерии поручик
весьгонский дон гуан
а из узеньких из брючек
выглядывает наган

деревня

ни шумной советской славы
ни шумной подпольной славы
ни шумной посмертной славы
поэты одной державы
подтянуты и моложавы
другой – тяжелы и ржавы

накинь брезентовый пыльник
окинь окрестный багульник
анакрет молчальник
в кармане твоём напильник
под мышкой железный чайник
мимо пройдёт охульник

позвякивая заначкой
звенят топоры за речкой
звенят комары над бочкой
прозрачный дымок над печкой
бумаги больше не пачкай
обзаведись-ка дочкой

или хотя бы собачкой

белый шум

28 русских поэтов
разного пола
и возраста
единственные
оставшиеся в живых
на земле
человеческие существа

после международного
обмена ядерными
ударами

– приходят же в голову
замечательные идеи –
говорит поэт Файзов
поэту Цветкову –
провести фестиваль
в бомбоубежище

поздравляю
теперь мы все
персонажи книги
поэта Сваровского –
произносит поэт Горшкова
прикуривая последнюю
сигарету

наводнение

молодой пилот в пилотке
был с невестой плыл на лодке
покупал морожено
где взрывом уничтожено
телом медленно качал
где от мира лишь причал

ничего не кричал
молчал

а в лодке-то а в лодке той
как кровью светом залитой
к скамейке приколочена
сидит его невеста
замучена обдрочена
а рядом чьё же место?

а лодке той а в лодке-то

вот конь в эсэсовском пальто
вот нота си вот нота до
вот тридцать три маргышки
сжимают по сберкнижке
вот горлица вот голубок
а синий океан глубоок
в нём водятся селёдки
так кто плывёт на лодке?

вот царь царей вот зверь зверей
а вот арап а вот еврей
а вот гарсон а вот масон
а вот его масонка
а вот бергсон а вот бессон
тяжка его мошонка

бессон бессон бессонница
а кто за ними гонится?

быть может кот быть может кит
а синий океан кипит
внутри него акулы
растягивают скулы

рыдает молодой пилот
роняет в воду алый плод
а с ним его невеста
задрочена обмучена
водица взбаламучена
а больше нету места

а мимо пробегает я
отбросы в океан лия
на я сияет чешуя
играет я дудит в дуду

а вместо шляпы на ходу
а вместо шапки на ходу
а вместо кепки на ходу
а вместо фески на ходу
а вместо фрески на ходу
я надевает григория саввича сковороду

нище

желты усы от табака
у сморщенного старика
в соседнем доме окна жолты
по телевизору мятеж
старик показывает плешь
а баба говорит: пошёл ты!

и он идёт и он поёт
как одичавший идиот
чего-то там под нос бормочет
стрекочет хнычет а за ним
следит военный херувим
и темя пёрышком щекочет

как будто наслажденье для
блестит замёрзшая земля
старик обыскивает баки
всё заливает синий свет
природы нет и бога нет
совокупляются собаки

нам улыбается скелет
ноля

лада

е. горшковой

– без шума и пыли без пыли и шума –
сидит командир на челе его дума
он думу снимает снимает чело
снимает червлёную шашку
он видом ужасен ему повезло
влюбиться в девицу палашку

а у палашки – ляжки
она ходит в одной
рубашке ночной
кажет груди в вырез рубашки
а по утрам
показывает и срам

сидит командир и стоит командир
он смотрит но видит иное
в нём сердце стальное над сердцем мундир
и губы его в пережное
он смотрит на солнце не видит ни зги
и сердце его захватили враги

– без шума и пыли без пыли и шума –
сидит командир а девица утрюма
лежит командир и торчит из него
его командирская шашка
в нём очи застыли а сердце мертво
а рядом простая палашка

– без пыли и шума без шума и пыли –
погиб командир а девицу убили

АТД

но может быть обиднее всего
не то что есть что синий воздух вырыт
для положенья тела так во тьму
печной трубы бездонной бесконечной
уводит вьюшка словно новый ирод
грозит младенца обезглавить сжечь

а то что речь
твоя теперь обращена к другим
наивным собеседникам другим
тебя достойным:
кривулин шварц

а мы никитки
из мякиша из черемши из нитки
(не так) а мы наташки нюшки
поднимем в память кубок юшки

и уроним

перечисление предметов

вот точка вот тучка вот рыжая дачка
вот мысли тянучка вдоль дачи собачка
залает немножко как свет из окошка
во ржавая тачка вот дохлая кошка
а вот оно я в пузырящейся майке
немножко в малине немножко в моркови
на майке немножко певца из ямайки
вот тучка вот солнце как вымя коровье
вот тучка вот точка вот старая ручка
вот три стебелёчка на каждом колючка
вот три стебелька стерегут кобелька
вот тучка вот солнце вот дом вот река
и я подкидного скоблю дурака

двадцатых годов –
влияния
тридцатых годов –
влияния
сороковых годов – тоже

непременные возлияния
неприметные зияния
беспредметные

у пьяни
все рожки
похожи

эх россия моя россияния

– и твоя? – и моя тоже!
на пушкина
пожилого
пожёванного

мне уже хорошо денис
мне теперь хорошо
ножи бита велосипедная цепь кастет
все наши детские развлечения
без различения
больше мне ни к чему

когда они пришли
выволокли во двор мать и отца
я помню как кричала и билась сестрёнка
как прятался под кровать
младший брат

я сказал:
ты вырос могучим и сильным
руки твои как деревья
пальцы твои из камня
стопы ног твоих попирают небо
голова твоя тяжёлый пузырь

и выбежал вслед

свет
горячий красный ослепительный свет
заливал всё пространство
дом и двор и сад и колодец
и всё вокруг

я видел как они попадали
корчась
как червивые яблоки
как тающий мокрый снег

мне уже хорошо денис
о боже как хорошо

только то что нельзя рассказать:
полуголый старик на вокзале
эй послушай тебе же сказали
только то что нельзя рассказать

он говорит ему дитя
ты не шути со мной шутя
показывая уд срамной
ты не шути со мной
выдавливая свежий гной
ты не шути со мной
и разбивая лоб стеной
ты не шути со мной
и совершая суд земной
ты не шути со мной
и похоти в паху хотя
ты не шути со мной

и не шути со мной

и не шуми и не шути
двенадцать без пяти
и не шути и не шуми
не всем же быть детьми

полуголый старик на вокзале
разуваётся ищет мозоли
он вам килу покажет грозя
про него мне такое сказали

только то что нельзя

вы в курзале
в камзоле
в золе

мы в подзоле в позоре во зле

на бесчастной
бесчестной
на бедной земле

опять романс

человек-невидимка собирается ехать на дачу
там сирени и воздух и в воздухе всюду пыльца
в поселковом шинке он возьмёт три ириски на сдачу
и пойдёт по проулку прозрачный и светлый с лица

за заборами здесь незаметно ликует природа
кто шумит кто цветёт кто клубится

над почвами русских равнин
вот идёт человек представитель простого народа
неприметного фронта почившей страны гражданин

не рыдайте над ним ах мы все в этом мире чужие
не пришельцы но вроде как будто заброшены сами к себе
вот идёт человек он невидим и крылья большие
у него за спиной словно два лопуха в городье

бывший чемпион по спортивному многоборью
прикупил хутор освоил лопату и лейку
вечерами выходит посидеть к морю
чувствует что он настоящий крестьянин
дома в особой комнатке хранит военную форму
лично купленный автомат другие игрушки
маленькая страна должна уметь защищать свободу
хоть из полезных ископаемых у нас только сыр и салака
день независимости празднуем уже лет семнадцать
а песни всё поём на языке оккупантов
душевнее оказалось так ничего и нету

хорошо живёт китайский император
всё у него есть а чего нет то ему привозят
только нет у него киноварной пилюли
киноварной пилюли да российской солдатской шинели
той самой которой егор укрывался
в самую стужу только нос наружу
в мёрзлом окопе в восточной европе
нету брони крепче чем та шинелка
нету постели слаще чем та шинелка
нету сокровища дороже чем грубый ворс её солдатский
в трёх местах прожжена над сердцем пробита
над сердцем пробита в густую землю зарыта

оттого и грустит китайский император
оттого и тяжело ему и тоскливо
оттого и жизнь ему немила постыла
что нет у него шинели да киноварной пилюли
ой ты люли-люли китайской император
не бузи не горюй не рыдай ночами
всё равно ведь тебя давно уже нету
ни тебя ни твоего китая

она говорит ему слушай дарлинг
и тут из фильма выходит чаплин
ну пусть не чаплин пусть будет дарвин
но тоже чем-то он опечален

он в детстве думал быть робинзоном
ну в худшем случае – стать пиратом
а стал обычным большим учёным
таким нелепым и бородатым

вот он идёт с кенгуру в обнимку
держа за лапу орангутана
как бы готовится к фотоснимку
или там с ними танцует танго

из темноты пожилой мальчишка
глядит внимательными очами
на целлулоидную манишку
трость котелок и на слёзы чарли

и карлица соня
и дима олигофрен
и безногий никита

всем вам поставят памятник
на главной площади
городка
массивной бронзы
отлитый лучшим шемякиным
современности
ваш прах сохранят

в вашей школе
откроют мемориальный музей:
вот групповое фото
с классной руководительницей
вот ленточка вот очки вот автограф
с пометками и исправлениями
вот костыли

славьтесь герои
ни разу в жизни
не попросившие ничего

жил шпион восьми разведок
притворялся инженером
притворялся депутатом
соблазнял невинных деток
научал ругаться матом
был для них плохим примером

чуть было не стал премьером
но его разоблачили
и от власти отлучили
и с народом разлучили
и лучами облучили
и в больнице полечили
пси-хи-ат-ри-чес-кой

он теперь человек типический
и в квартирке живёт типической
и с женою живёт типической
слегка истерической
любительницей песни лирической

он работает на рынке
продает халву и мёд
носит новые ботинки
ничего ему не жмёт

а его разоблачитель
ныне новый властелин
человечества учитель
разогнав тоску и сплин

кушал клёцки
жаждал плотски
трубку важную курил
по-турецки
по-немецки
по-лунецки
цацки-пецки
цацки-пецки
цацки-пецки
говорил

где ж ты моя мурка
соловьиная шкурка
лаковый ноготочек
чумной лепесточек
иль тебя черти взяли
замуж на одеяле
пьяную в сыром подвале
или ты воспарила
перешагнув перила
или лобок побрила
служишь теперь в стриптизе
с гладким шестом в союзе
крутишь бедром плечом

– ты это о чём
– да я всё о музыке
всё о музе

куплеты

меня убили урки
в семнадцатом году
я там жила в печурке
на петроградском льду

сякая вся такая
из роз и сулемы
а рядом не смолкая
работали умы

кадетов и эсеров
голодных и рабов
и разных комиссаров
за крышечками лбов

за кружечками пива
под корочками льда
как было всё красиво
не будет никогда

меня похоронили
в хрустящий пустозём
а после зимний взяли
и взяли и возьмём

опять кружась по кругу
внутри вселенной всей
и приведёт супругу
царевич алексей

и уведут солдаты
погибшего царя
худы и бородаты
и будет это зря

меня убили урки
за серьги и кольцо
в прозрачном петербурге
в империи конце

лежит и смотрит как живая
любовь военно-полевая
как будто я в неё вошёл
как незаметный шишел-мышел:
расшёлся шёлк расшился шов

а что услышал

возвращение

воротился солдат домой
воротился глухонемой
(или может хромой) зимой
когда всюду кругом снега
под ногами лукум нуга
на войне он убил врага
а с какой он пришёл войны
дома ждали жена сыны
три сестры четыре стены

он вернулся из дальних стран
в нём тринадцать глубоких ран
он теперь инвалид тиран
выползает навстречу дню
весь в огне я к чему клоню:
скоро вырежет всю родню
или ночью спалит собес
(сторож пьяным уснул балбес)
и поднимет бунт до небес

ты который пришёл сюда
где в колодцах черна вода
где не ведают век стыда
здесь не знает никто причин
той войны молодых мужчин
и какой у тебя там чин
здесь с утра на траве роса
птичьи из лесу голоса
(выйдет баба окликнет пса

отзовутся пять-семь волчин)
смерть и прочие чудеса

улица корчится языкатая
языкастая
хрипом шансона себя выпрастывая
выборматывая
хрипом шансона
не аронзона
не владим владимыча даже
слова срамные
сплёвывая через губу
думаете внутри они нежные
как пирожные
или как простокваша
в буфете санатория цекубу
эти приблатнённые и блатные
все жиганы жиганчики жеки – в зеки
перековавшиеся барды
в кепочках набекрень
стонущие «мама-зона»
вот они бабочки аронзона
оккупировавшие – паче чаяния –
окраинные дискотеки
разворачивают на афишах морды
бордовые как сирень

мне
милее
молчание

что же вы соколики
поехали в сокольники

говорила мама
надо бы на динамо

там спорт там спор
фут-бол хок-кей

ели б с вишенкой торт
говорили о'кей

а здесь сокольники
хулиганы всё алкоголики

ходят-бродят фиксатые с финками
с на груди наколотыми картинками

тут ночь тут мрак
а в нём во-ры

упадёте в глубокий овраг
с высокой горы –

только тебя и видели
родственники и родители

смотрит фетом ходит фертом
в чесучу и фетр одет
волоса ерошит ветром
смотрит фетом но не фет

здравствуй здравствуй до свиданья
сыр моржовый милый мой
там в провале мирозданья
соловей свистит немой

соловей свистит немой
между музыкой и тьмой
между вологодой и тотьмой
между кичкой и кормой

ветер ровный хлеб надбровный
над чухонской чухломой

думаете
приручили есенина

всякое им осенено

всё имени
его имени

от спортивного соревнования
до бабьего вымени

он бы вас послал (ох батюшки)
к мудрёной ядрёной вашей бабушке

народное образование
всенародное голосование

чрезвычайные полномочия

и прочия
телевидения патриотичия обормочия

всё прах и тлен лили марлен
всё только прах и тлен
и страх и плен твоих колен
и трах и член – всё тлен
и гуинплен и чуингам
упавшие к ногам

пляши и пой лили марлен
над праздничной толпой
пусть щупает тебя слепой
ладонью и губой
тебя твой облик голубой
а ты пляши и пой
пусть развевается чулок
слетевший с полных ног

тебя поднимут на штыки
тебя лили марлен
тебя рубят на куски
и юноши и старики
их содрогания сладки –
от счастья и тоски
ты всем нужна ты всем жена
нежна обнажена

всё прах и тлен лили марлен
всё только прах и тлен

балаганчик

*нелепый балаганчик
игрушечный органчик
играет папа блок
мелодию «каблуки»:*

каблуки вы мои каблуки
удивительны вы и ловки
и ковки и легки вы и ловки
вас стальные лелеют подковки

если б были вы в замке у кафки
он такого б сплясал гопака
землемер землевед этот к.

каблуки вы мои каблуки
вы не шапка не брюки не плавки
вы удар в середине строки

как бы ни был велик capitoлий
он не шире рязанских застолий
каблуки вы мои клобуки

и тут появляются белогвардейский поручик пьоро
и поповская дочь коломбина
и краснознамённый матрос арлекин
арлекин высыпает и нюхает кокаин
и говорит: смотри не профукай шпалер не обломай перо
коломбина такая дубина

а пьоро заламывает руки и произносит «jamais»
и плачет и пускает пулю в накрашенный лунный лоб
а коломбина вскрикивает «ах!»

и вскрикивает «мой папа – поп!»
и плачет и плетёт и плетёт и плетёт макраме

*опускается занавес
и папа блок произносит:*

от деревянной куклы
увы не жди добра
тебе дружок кувуклий
мне горстка серебра

тебе служить в губземе
и подражать царю
и властвовать над всеми
а я совсем умрю

я буду горстка кала
но тысячьми сердцец
тоску мою ласкало
таскало всё концец

конец

внутри

1
скажи полковнику изюм

2
скажи полковнику изюм
а надзирателю зима
но ничего не говори
тому кто у тебя внутри

пройдёт тринадцать долгих зим
придёт тринадцать крупных сумм
и как из-под коряги сом
на свет ты выберешься сам

и только тот кто всё молчал
кто ничего не говорил
стоит с винтовкой у плеча
придонный охраняя ил

3
скажи свидетелю узвар
чтобы тебя тот свет узнал
но ничего не говори
тому кто носит цифру три

тому кто вдаль тебя несёт
как по реке шершавый плот
как по ветру паршивый клок
как поутру плешивый бог

4
вот плот шершавый на реке
вот плод корявый на руке
вот ходит в поле за сохой
орёл степной упырь лихой

бог логики и ясного ума
другая сторона неведомого бога
придут из тьмы небытия омир умар
и белая блестящая минога

омир споёт умар наточит нож
и голову отрежет пленному солдату
во имя бога а минога что ж –
отварена и подана к салату

пусть мир стоит пока омир поёт
нож режет челюсть пережёвывает жилу
и бог летит как медное копье
направленное в пах рукой ахилла

зарядил женщину в пистолет

выстрелил – промахнулся
выстрелил – промахнулся
выстрелил – промахнулся
выстрелил – заклинило

разорвало ствол
оторвало два пальца

увозят на «скорой»
добродушный фельдшер
усато усмехается:

ну и дурак же ты брат
кто же *этим*
палит в белый свет
надо бы собакой
или воробушком

экая верлибристика
эквилибристика прямо

– спи дома! –
говорит «спидола» –
не шлейся по разным
сборищам безобразным
ибо блажен муж
иже не иде
в непотребном виде
с девкой срамной к тому ж

обуяла меня стыдоба
– спасибо матери-«спидола»
научила ты мя уму
не пойду во тьму
тьму внешнюю
злую кромешную
в ней же урки орки нарки и – гомо
останусь дома

у палатки «шаурма»
у ларька «хычины»
истоптали снег весьма
крупные мужчины

здесь дашковская братва
поджидала хачика
чтоб распалась голова
на четыре мячика

а менты вдоль ржавых труб
теплотрассы бродят
там нашли какой-то труп
расчленённый вроде

из разрубленных частей
сыпались конфеточки
то-то радость для детей
лакомитесь деточки

всякому нужны корма
с наслаждением вместе
и беляш и шаурма
и сосиски в тесте

рахиль

масса брутто
масса нетто
мы как будто
входим в гетто

здесь повсюду
патрули
сухой буду
ай-люли

буду грязь
и буду слизь
не вылазь
кто не нашлись

только в горенке
пожара
голая
рахиль лежала

волга-водка мать родная
что же ты заволгла
не видал конца ни дна я
ни лисы ни волка

волга-водка волга-ворка
волга-вгла-и-влага
ветер шоркал ветер воркал
шаркал как бродяга

ветер варкал ворон каркал
по степу носила
человеческого шкварка
нечистая сила

да бродила грусть рождая
по речным просторам
вдоль жидовка молодая
с новеньким мотором

ллада о любви

встала чтоб милостыню просить
между дверей магазина
внешних и внутренних волчья сыть
чтобы на улице не застыть
пьющая баба зина

встала между водой и водой
небом и небом и рюмо-
чной горькою лебедой
только охранник орёл молодой
смотрит на всех угрюмо

и тут зазвучала музыка вальса
сиплого голоса вальс-бостон
и он выпевает так: вася вася
выдай-ка ей пистон

вставь-ка ей по самые гланды
после выйди перекури
пускай узнает который тут главный
и раздватри раздватри

сильно над старой не издевайся
убей а потом умри

и вася выводит её во двор
и вася ведёт её к складам
и бьёт дубинкой по голове
и бьёт по телу ногами

и вспыхивает в его голове
попаливая хладом
другое нездешнее пламя
похожее на цветастый ковёр

и вася падает рядом

и появляются из щелей
живущие тут дворянги
тени среди других теней
и обморок смерти глубок

и маленький моросит елей
над грудой тряпья и бумаги
и краской выведено на стене
«дима + вася = любовь»

у введенского читаем
все чужие голоса
желают медленным китаем
перелететь за небеса

у жуковского читаем
отойдя на четверть часа
как гомеровым минтаем
переплёскивает гроза

у тредиаковского читаем
про взъерошенные волоса
речетом нечетом не чета им
кровяная немецкая колбаса

и грифелёчком нечто начертаем
всё мы больше не читаем

заебатье города батый забрал
кого насмерть побил кого в полон увёл
бродит теперь русский северный аполлон
водит волков по тем местам
доит волчиц жалостью влеком
поит млеко волцы расти расти страна
поднимайся во тьме из тьмы алым зраком горя
станешь сильной как сыпь стальной как сталь
будешь сама ходить воевать бесчестить вдов утешать сирот
угличского петушка вырезать ножиком липовым слюдяным

продал русский язык китайцам
арестовали
судебное заседание было закрытым
влепили пятнадцать лет
думал будут пытаться в подвале
будет кричать извиваясь тельцем
вместе с кровью выхаркивая в их рыла
благородное «нет»
всё вышло не так тюрьма нам матка
дорог ей каждый сынишка
посадили швей простым рабочим
на пошив брезентовых рукавиц
их в стране большая нехватка
снилось отечество отчим
поддатый суров не слишком
распевает песенку о любви

в могиле обнаружены меч нунчаки
подрывная подорванная литература
тела не найдено тело исчезло
закопалось ещё глубже в землю
выпрыгнуло кузнечиком из обвалившейся ямы
ушло в аптеку встало в очередь в аквапарке
сбежало вслед за душой в пардес щемящий
объявлено в междупространственный розыск
о золотая эра видеоманитофонов
первые уроки астрального кунфу в полутёмном зале
осторожное познание чудовищ открытого мира
теперь ты сам чудовище тебя ищут
обещают награду за единый волос крохотную чешуйку
мечтают накрыть всю вашу рыжую шайку
и ещё раз накрыть и накрыть и сверху прихлопнуть
чтобы ни вздохнуть ни охнуть ни всхлопнуть ни всхлипнуть
ни пошевелить ветвящимися рогами
эрегуми вы мои оригами

карлик

а по сути а по сути
мы лишь пена на бульоне
корешки в кипящем супе
петтинг йети шерсть на йони

сумасшедший на районе
дым на труте черви в трупке
карлик в театральной труппе

карлик мечется и плачет:
изменила изменила
за окошком дождик плачет
вся действительность уныла

а по сути а по сути
он повесится в каюте
на сиреневых подтяжках
в детское одет пальтишко

теплоход гудит протяжно
часовой стоит на вышке

все сравнения не нужны
приблизительны небрежны
во дворе цветёт черешня
осыпает цветом нужник

говорят что девы южны
по-особенному нежны

подтвердите что вы не бог
поглядите что вынет бог
из сердца клубень из лба клубок

а наш-то бог – скоморох
веселие ему пити
иное – скакати

в бубен сыпать сухой горох
топочут его копыты
хохочут плакаты

а ваш-то бог – порох лузга порог
заветы его забыты
заповеди клокаты

заподвывернуты клыкаты
как правильно: творог или творог
цукини или цукаты?

захватили
захватили евреи
захватили русскую литературу

мёртвый мандельштам
мёртвый айзенштадт
мёртвый слуцкий
мёртвый бродский
мёртвый сатуновский

а ты стрюцкий
мертвецов побаиваешься
шипшишь из шинка
на всякого невоскресшего
еврея опознавая:

нет на вас сталина
(плоть его окристалена
выстелена крестами)
нет гэпэу-вэчэка

захватили евреи
захватили русскую литературу
говорят
скоро захватят и русский мат

ну давай защищай
русский народ блатную романтику
грозных железных его стальных
государей – дух кровавой
(от него же
и чирьи по роже
и крыла за спиной)

уж такой это дух – прямо ух!
из мякины растёт из спасибы
нам – от бани до дыбы
и при каждой стоит часовой
перерыв на обед – часовой

перерыв на обед: с часу до двух

старый «урал» с коляской
в дальнем гниёт гараже
он для езды нетряской
не пригодится уже

вчуже обойденный лаской
бойным железом не ляскай
виждь сквозь прорешку в душе

столбик покрашенный краской
прудик подёрнутый ряской
женщину с детской коляской
ласточку на вираже

москворецкая лирическая

вот толсторожие
калики перехожие

калеки румяные
от мороза чуть пьяные

все в мехах и в коже и
в золоте окаянные

в дни покаянные
на смутьянов похожие

только похожие!
а на деле – хорошие

как онегин с татьяною
что же я что же я

только похожие
но не похуже и

неги прохожие
снеги с порошею

варя с парашею
снегири пригожие

смехи малиновые тальянные

мёртвые матери любят нас
так же как и живые
помнишь историю: некий нос
бежал гражданина майора

кто государеву службу нёс
мёртвым в бору ржавея
каждый скромно ответит из нас:
такая моя манера

вот дочь офицера
жена гренадёра
супруга гусара
подруга прицела
подруга удара
владыка каптёра

а в комнате Бога
да, в копоты зала
нас много так много
нас мало как мало

играет вальсочек
колышутся звуки
за синий платочек
за вечные муки

за вечные млечные гречные муки

на юру юродивый
на горе горбатый
с веточкой смородинной
с ниточкой порватой

с венчиком берёзовым
с молочаем розовым
с родинкой сопатой

местность оприродена
на горбу синица
тяжело же родина
по тебе катиться

рощеной горошиной
тощенькой субботой

что зовём мы родиной
что кричим мы родиной
что молчим мы родиной
надо бы – работой

расскажу шалаве о шаламове
как у печки маленький сидел
и от чурочки щепу отламывал

или расскажу ей о мамлееве
как он слюной склеивал
гнездышки для маленьких смертей

всё равно ведь не поймёт патлатая
пустит хриплую слезу
и расскажет о довлатове

или о есенине
вся в поту и в семени
когда к горлу ножик поднесу

со мною вот что происходит
ко мне мой старый труп приходит
рассказывает по-тибетски
о муках адских
а я смотрю на него по-детски
из глаз дурацких

таково ему отвечаю
что же ты бусурманина
присел бы на кресло выпил бы чару-
другую вот лук тебе вот баранина

глядишь бы и поняли друг друга
как православных христианина два
а то развёл какую-то ругань
утихомиривайся давай

а он фиолетовый такой синий
ухмыляется гаденько
мордой свиньей
вылез из соевого своего адика
припёрся по моему адресу

провонял комнатёнку
думает я боюсь его
может ему как котёнку
плеснуть молока в блюдце

или перекрестить к рассвету
пускай убирается откуда пришёл
мигрант нелегальный из сведе-
нборга распространяющий запашок

случевский ключевский случилось ли что
иначе сказать приключилось
усмешка на миг исказила лицо
не мешкают: жимолость милость

храни этот камешек в печени ты
потомок прямой прометея
как похоть пространства туйфы череды
о будущем не памятуя

о моль платяная о тлен плотяной
панический или влаченский
сминает простынку мой ключик со мной
так что же с тобою случевский

«...за вечные млечные гречные муки»
(о новой книге Алексея Колчева)

послесловие от издателя

В этом году у поэта Алексея Колчева уже вышли «две первых», как сказано в одной из рецензий, книги стихов «Частный случай» (Шупашкар, «Free poetry») и «Несовершенный вид» (Нижний Новгород, ГЦСИ «Арсенал»). «Лубок к Родине» – его третья книга. Дело, видимо, не только в том, что стихов у Колчева поднакопилось (поэту под сорок), и вот теперь они, написанные в разное время, опубликованы в отдельных книжках, вышедших буквально друг за другом, создавая любопытный эффект синхронии там, где по идее должна быть просматриваема эволюция индивидуальной поэтики автора. Дело ещё и в том, что само явление «поэзия Алексея Колчева» стало настолько очевидным, что на него буквально возник спрос – не только у издателей, но я уверен, что и читатели этой книги оценят её по достоинству. Востребованность эта, на мой взгляд, связана с уникальными чертами поэзии Колчева, добытыми им в результате синтеза целого ряда поэтических традиций, от малых фольклорных жанров до лианозовского конкретизма, от высокой романтической поэтики модернизма и обэриутского иронического абсурдизма до критической концептуалистской деконструкции языкового (смыслового) штампа. Но это такой синтез, который явился основой совершенно нового качества поэзии.

Новость эту трудно ухватить в понятии, но если попытаться её хотя бы как-то описать, прекрасно понимая, что дело это совершенно неблагоприятное, то можно зафиксировать ощущение неожиданной и пронзительной сложности от стихов Колчева. Есть сложность ожидаемая – исключительно интеллектуальная, когнитивная, картезианская и, понятно, как достигаемая. Адресована она нашим абстрактно-комбинаторно-когнитивным способностям. А здесь, в поэзии Колчева, всё иначе. Здесь сознание и тело работают вместе. Здесь включены в игру и *res cogitans* и *res extensa*, и вездесущая познающая мысль, и аффекты тленной, брэнной, испытывающей боль плоти, или аффекты значения и аффекты присутствия:

*о моль платяная о тлен плотяной
панический или влаченский
сминает простынку мой ключик со мной
так что же с тобою случевский*

Поэзия Колчева основана на социальной чуткости, ответственности и в то же время она невероятно лирична, в этой книге сполна явлена её песенная основа – вальсы, романсы, куплеты, песенки, «*всё прах и тлен лили марлен / всё только прах и тлен*». Она интимно-гражданственна и вместе с тем опосредована различными раешными, былинными и другими «лубочными» стилизациями, о чём манифестирует уже само название книги. Это поэзия филолога, она насквозь литературна и филологична, практически тотально интертекстуальна, автор щедро приобщает нас к своему «кругу чтения», – и в то же время она совершенно анархична и раскрепощена, начинается с любого места, в любой бытовой и языковой ситуации. Время от времени она совершает редукцию всякой литературности, чтобы вернуться к простой фактичности, нарочитой прямоте, призванной вытеснить подспудную ироническую интонацию:

*мне некуда деть усталость
как некуда деть глаза...*

*вот родина вот берёзки
вот домик с кирпичной трубой
бредёт мужичок нерезкий
спортивный костюм голубой*

*он русский? конечно русский
сражённый своей судьбой...*

Однако и подобные рискованные прямые и меланхоличные констатации, отсылающие к русской поэзии первой волны эмиграции, всё равно оборачиваются самозабвенным срывом в чёрную языковую дыру, откуда, как из цилиндра фокусника, начинают появляться бесконечные реальные и фантомные персонажи-идентичности, культурные герои мира после всемирного потопа:

*вот царь царей вот зверь зверей
а вот арап а вот еврей
а вот гарсон а вот масон
а вот его масонка
а вот бергсон а вот бессон
тяжка его мошонка*

Поэзия Колчева одновременно брутальна, жестка, даже жутковата и одновременно возвышенна. Она искренне

этична в своем сочувствии к «полуголым старикам на вокзале» и «базарным гамлетам», в своей непроходящей печали по поводу «*немеренного зла*» «*на несчастной / несчастной / на бедной земле*», но при этом замешана на каком-то отчаянном эстетизме, фатальной трагической красоте и связанной с ней иронии:

*здравствуй здравствуй до свиданья
сыр моржовый милый мой
там в провале мирозданья
соловей свистит немой*

*соловей свистит немой
между музыкой и тьмой
между вологодой и тотьмой
между кичкой и кормой.*

Эти строфы вызывают в памяти «Послание Л.С. Рубинштейну» Тимура Кибирова, но вместе с тем они созданы как бы *безоглядно*, в другой ситуации, видимо, ещё более тупиковой, и мотив здесь, как кажется, более серьёзен. «*Свистящий немой соловей*» – образ поэта, который понимает не «*только то, что нельзя рассказать*», но и что в принципе «*мир / в котором / мы живём / нельзя описать...*», что «*мир / неопишем / ни одним рукоусем*». Его нельзя описать, о нём нельзя рассказать, но можно дать ему самому сказать. Отсюда у поэта постоянно говорит за себя чья-то чужая речь, «языкастая улица», отсюда и авторское почтение к жанровому разнообразию поэтической речи (он не пренебрегает никакими поэтическими средствами), к языковой игре как таковой, в которой и благодаря которой он достигает нужных ему целей:

*случевский ключевский случилось ли что
иначе сказать приключилось...*

Генеративные возможности языка отвечают настоящему экзистенциальному переживанию, «иначе сказать» невозможно...

Виталий Лехциер

Содержание

«Только то что нельзя рассказать...»

<i>Василий Бородин</i>	5
каждый вечер...	8
факты	9
злые бабы какие-то...	10
вот гамлет философ базарный...	11
лучше всех, – говорю...	12
третий рим...	13
проходя мимо...	14
открывается картина...	15
настоящая фамилия маяковского – гиршман...	16
мне некуда деть усталость...	17
мать	18
виноград вертоград вертолёт...	19
в чёрном воздухе цейлона...	20
разве он будет помнить...	21
говорит разумная слизь...	22
русь стоит на семи холмах...	23
пой еврей соловей большеротый...	24
игра	25
потешки	26
что мы могу о родине сказать...	28
как будто буратино с бкуварём...	29
мир	30
круг чтения	31
случай	32
шансонетка	33
деревня	34
белый шум	35
наводнение	36
нищше	38
ллада	39
но может быть обиднее всего...	40
перечисление предметов	41
двадцатых годов – ...	42
мне уже хорошо денис...	43
только то что нельзя рассказать...	44
опять романс	45
бывший чемпион по спортивному многоборью...	46

хорошо живёт китайский император...	47
она говорит ему слушай дарлинг...	48
и карлица соня...	49
жил шпион восьми разведок...	50
где ж ты моя мурка...	51
куплеты	52
лежит и смотрит как живая...	53
возвращение	54
улица корячится языкатая...	55
что же вы соколики...	56
смотрит фетом ходит фертмом...	57
думаете...	58
всё прах и тлен лили марлен...	59
балаганчик	60
внутри	62
бог логики и ясного ума...	63
зарядил женщину в пистолет...	64
– спи дома! – ...	65
у палатки «шаурма»...	66
рахиль	67
волга-водка мать родная...	68
ллада о любви	69
у введенского читаем...	70
заебатье города батый забрал...	71
продал русский язык китайцам...	72
в могиле обнаружены меч нунчаки...	73
карлик	74
подтвердите что вы не бот...	75
захватили...	76
ну давай защищай...	77
старый «урал» с коляской...	78
москворецкая лирическая	79
мёртвые матери любят нас...	80
на юру юридивый...	81
расскажу шалаве о шаламове...	82
со мною вот что происходит...	83
случевский ключевский случилось ли что...	84

«...за вечные млечные гречные муки»
(о новой книге Алексея Колчева)
послесловие от издателя

Виталий Лехциер 85

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К 49

К 49 КОЛЧЕВ Алексей

Лубок к родине : стихи. –
Самара: «Цирк Олимп+TV», 2013 – 90 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

В серии в 2012–2013 гг. изданы:

Александр Ожиганов

Утро в полях. Девятая книга. – Самара, 2012. 80 с.

Александр Макаров-Кротков

Отредактированный экспромт. – Самара, 2013. 80 с.

Сергей Лейбград

Стеклянная мгла. – Самара, 2013. 64 с.

Виталий Лехциер

Фарфоровая свадьба в Праге. – Самара, 2013. 94 с.

Всеволод Некрасов

Самара (слайд-программа)

и другие стихи о городах – Самара, 2013. 98 с.

Татьяна Риздвенко

Стометровка. – Самара, 2013. 68 с.

Издание подготовлено:

Алексей Колчев (автор, составитель)

Ольга Самохвалова (автор фотографий)

Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

Тамара Кузнецова (корректур)

ISBN 978-5-906607-09-6

Подписано в печать 18.11.2013

Формат 60x90/16. Объём 2,5 печ. л.

Гарнитура Minion. Бумага мелованная

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ №3677

Отпечатано в типографии ООО «ДСМ»

Самара, ул. Верхне-Карьерная, 3а, e-mail:dsm@dsm-print.ru